

Анатолий Анатольевич КОНОНЕНКО —
доцент кафедры социальных наук ТГНГУ,
доктор исторических наук

УДК 947. 957

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ТЮМЕНИ В 1918 ГОДУ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются некоторые аспекты установления советской власти в Тюмени в 1918 году. В центре исследования — фигура М. А. Запкуса, объявившего себя «военным комиссаром Северного района и Западной Сибири».

The author concentrating upon M. A. Zapkuse who in 1918 proclaimed himself military commissar of the North territory and West Siberia surveys some aspects of Soviet government in Tyumen in 1918.

При знакомстве с материалами, позволяющими реконструировать события 1917-1918 гг. в Тюмени, складывается впечатление, что большевистская революция в Петрограде оценивалась тюменцами как всего лишь смена одного правительства другим. Если события февраля-марта 1917 г. действительно произвели глобальную переоценку традиционного уклада жизни населения России, то поздняя осень 1917 — зима 1918 гг. для тюменского обывателя было временем значительно более серым и невыразительным. Основные мысли тюменцев были обращены к вопросам элементарного физиологического выживания. Развал городского хозяйства, катастрофическая ситуация с водоснабжением города, массовая вырубка лесов, расцвет уголовной преступности, тягостные ощущения приближающегося голода обостряли общественную напряженность [1]. Тюменская городская Дума (председатель — социал-демократ А. С. Флоринский) и земская управа явно не справлялись с взятыми на себя обязанностями. Несмотря на это, Совет рабочих и солдатских депутатов, возглавляемый социал-демократом Г. С. Малкиным, всецело поддерживал решения городской Думы. В этих условиях произошла радикализация определенной части солдат местного гарнизона и рабочих, которые сформировали свою отдельную большевистскую организацию.

Известно, что тюменские большевики первое собрание провели лишь 6 декабря 1917 г.. Осознавая свою слабость, лидеры местных большевиков Н. М. Немцов, Г. П. Пермяков, И. И. Самойлов, М. В. Шишков, Петров и А. Неверов отправили молодых рабочих машаровского завода Пилипенко, Севастьянова и Ямпольского в Омск, с просьбой прислать в Тюмень отряд Красной гвардии.

В самой Тюмени на предприятиях развернулась серьезная борьба за изменение состава городского Совета рабочих и солдатских депутатов. По воспоминаниям тюменцев, проходила она весьма в ожесточенной форме. В итоге большевикам, или как обзывали их местные меньшевики — «ушкуйникам», удалось провести в Совет значительное число своих сторонников.

20 января 1918 г. в городском Совете произошло столкновение по вопросу о взятии власти Советами и отношению к большевистской революции в Петрограде. Мнение меньшевиков отстаивал социал-демократ Н. Н. Авдеев. За предложенную им резолюцию, осуждающую большевиков, проголосовал 41 член Совета. За большевистскую резолюцию, о взятии власти Советом, предложенную Г. П. Пермяковым, поступило 63 голоса [2]. Был сформирован новый исполком тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов. В него вошли большевики Самойлов, Немцов, Гушин, Моторин, Журавлев, Стахнов, Неверов и другие. Организация отряда Красной гвардии была поручена Вячеславу Злобину.

Среди наиболее одиозных членов нового состава Совета рабочих и солдатских депутатов оказались — известный мошенник и аферист Удод, хулиган Алексей Рылов и рабочий машаровского завода Журавлев, которые пытались установить советскую власть в Успенской волости Тюменского уезда. Позднее Удод попытался национализировать тюменский завод Ятес, но был разоблачен как уголовник, имевший срок при самодержавии за кражу лошадей и коров. Впрочем, и против Н. М. Немцова меньшевики выдвинули серьезные обвинения в растрате средств рыбного отдела Тобольского губернского продовольственного комитета, который тот возглавлял летом 1917 года.

Несмотря на смену руководства Совета, официальная городская власть продолжала находиться в руках городской Думы и земской управы. Местным большевикам не помогло и прибытие в Тюмень из Омска небольшого отряда Демьянова, состоявшего из 16 красногвардейцев. Вечером 23 января 1918 г. в городе появились красногвардейские отряды С. В. Мрачковского из Екатеринбурга и А. Л. Борчанинова из Перми. Этой же ночью красногвардейцы екатеринбургского и пермского отряда заняли помещения казначейства и телеграфа [3].

В отряде С. В. Мрачковского, расположившегося на железнодорожном вокзале, было несколько пулеметов и три орудия. Мрачковский и три тюменских большевика — Пилипенко, Калганов и Моторин образовали военно-революционный штаб. Однако, несмотря на принятые меры, сил у большевиков было явно недостаточно для взятия всей полноты власти в городе. В конце февраля 1918 г. к отрядам Мрачковского и Борчанинова в Тюмени присоединился «Северный морской карательный отряд» Запуска, объявившего себя «военным комиссаром Северного района и Западной Сибири». Его «команда», составленная из моряков-балтийцев, была гораздо крупнее, чем екатеринбургский и пермские отряды. Во всяком случае, Мрачковский и Борчанинов признали лидерство 20-летнего Запуска. Видимо есть смысл более подробно остановиться на этапах биографии этого революционера. По воспоминаниям П. Д. Прохорихина, отряд Запуска состоял примерно из 80 человек, и «сыграл большую роль в разгроме грабительских банд и всей буржуазной своры Тюмени» [4]. Иную численность, и как представляется, более близкую к истине, приводил в своих воспоминаниях Г. П. Пермяков — 300-400 матросов [5].

В крайне скупых строчках о Запусе содержатся самые противоречивые сведения, хотя сегодня мало кто сомневается, что реально советскую власть в Тюмени установил именно его отряд. Уже современники тех событий задавались вопросом о национальности Запуска (латыш или еврей?), происхождении и характере «северного, летучего» отряда, его численности и роли в установлении советской власти на местах [6]. Встречаются также разные инициалы этого революционера. В одном случае — М. А. Запуск, в других — Ян Запуск, В. Запуск и П. Л. Запуск. Заметим, однако, что тексты его «знаменитых» пяти приказов подписаны вовсе без инициалов — «Военный комиссар Северного района и Западной Сибири — Запуск, начальник штаба — Шибанов, адъютант — К. Афонасьев». Настораживает почти полное отсутствие сведений об этом человеке. Наоборот, в исторической литературе, многочисленных публикациях об установлении советской власти на Урале утверждалось, что начальником «Первого особого Северного летучего морского отряда» был мичман С. Д. Павлов [7]. По заверениям самого С. Д. Павлова, именно матросами его отряда 20 ноября 1917 г. в Могилеве был поднят на штыки бывший верховный главнокомандующий русской армии, генерал-лейтенант Н. Н. Духонин.

30 ноября 1917 г. получив приказ В. А. Антонова-Овсеенко «Первый Северный летучий отряд» под командованием С. Д. Павлова отбыл на Урал, следуя по маршруту Петроград — Вятка — Пермь — Екатеринбург — Челябинск. В Вятской губернии власть принадлежала, без четкого разграничения компетенций, съезду Советов, губисполкому и Совету народных комиссаров Вятской губернии. В самой Вятке наметилось противостояние двух большевистских группировок, ори-

ентировавшихся на горисполком и губисполком. В этих условиях Северный летучий отряд, прибывший в город в декабре 1917 г., оказался самостоятельной силой, которая принесла победу губисполкому в ходе так называемой лапинской авантюры [8]. По сведениям кировского историка Ю. Н. Тимкина, в Вятку прибыл не один, а целых три матросских отряда. Первый — комиссара Ф. Г. Лупарева, второй — вышедший из Петрограда 26 ноября и прибывший в Вятку 5 декабря — комиссара Запуска, и третий, прибывший 6 декабря — мичмана С. Д. Павлова.

9 декабря 1917 г. матросы С. Д. Павлова заняли вокзал Екатеринбурга, а 20 декабря они уже были в Челябинске. 25 декабря 1917 г., после боя с белоказаками атамана Токарева, «Первый Северный летучий морской отряд» занял Троицк [9]. Затем отряд С. Д. Павлова был брошен на взятие Оренбурга, после чего, через Самару вернулся в Петроград и принял участие в боях с немцами под Нарвой.

Среди руководства отряда мичмана С. Д. Павлова фамилии Запуск не встречается. Однако, схожесть текстов «приказов» Павлова и Запуска, так же как и тактика их отрядов, сомнений не вызывает. Известно в частности, что матросы Павлова еще на подходах к Вятке расстреляли группу железнодорожников, во исполнение приказов Викжеля пытавшихся задержать их эшелоны.

В Екатеринбурге «Первым Северным летучим морским отрядом» была арестована банда известного в то время криминального авторитета по кличке «Ванька Каин» и по «многочисленным просьбам рабочих» публично расстреляна. Сопоставляя даты появления отряда, можно утверждать, что приблизительно в одно время (конец 1917 г. — начало 1918 г.) в Вятке, Оренбурге и Тюмени действовали вооруженные силы, носящие примерно одно и то же название, хотя отряд комиссара Запуска и отряд мичмана Павлова являлись, безусловно, совершенно разными подразделениями.

В документах Петроградского военно-революционного комитета (ВРК) содержится информация о том, что 2 ноября 1917 г. помощник секретаря технического отдела ВРК М. А. Запуск занимался распределением транспортных средств [10]. 9 ноября ему было выдано удостоверение работника ВРК за № 3034. Удостоверение подписал член Военно-революционного комитета и непосредственный начальник Запуска большевик А. А. Иоффе. В этот же день Запуск получил еще два документа — удостоверение личности № 3029 и удостоверение № 3059 члена Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако на этих удостоверениях подписи отсутствовали [11]. Сохранилось заявление Запуска от 10 ноября 1917 г. с просьбой выдать ему 50 штук патронов для револьвера системы «наган» «ввиду того, что он командирован по продовольствию в г. Котлас для реквизиции хлеба» [12]. Проситель получил лишь 25 патронов. Был ли он в командировке, не известно, но 19 ноября 1917 г. ему вручили новое удостоверение за № 662 о назначении комиссаром по доставке продовольственных грузов в Петроград. Более того, в этот же день Запуск получил мандат № 4149 на право реквизиции и беспрепятственной доставки продовольствия, согласно данной ему инструкции. Мандат был подписан комиссаром по продовольствию ВРК А. С. Якубовым и секретарем М. Я. Ладисом, будущим членом коллегии ВЧК [13]. Таким образом, в течение ноября 1917 г. помощник секретаря технического отдела Петроградского ВРК превратился в комиссара по доставке продовольствия, а затем и в «военного комиссара Северного района и Западной Сибири».

По сведениям А. А. Петрушина, так называемый «Первый Северный Морской карательный отряд» прибыл в город Тюмень из Вятки, где принимал участие в установлении советской власти. Историк сослался на протокол общего собрания Вятского губисполкома от 24 января 1918 г. «О действиях летучего отряда по делу расстрела неизвестных лиц», где комиссар этого отряда Кириллов заявил, что «расстрелянные лица были ворами и расстрел произведен по просьбе тысячной толпы» [14]. По информации Ю. Н. Тимкина, учитывая пожелание Вятского Сове-

та, «комиссар Запкус еще 7-8 декабря 1917 г. согласился откомандировать в распоряжение Совета 70 матросов под командой тт. Дрылевского, Кириллова, Журбы, Гусарук и Пузырева». Отряд Дрылевского, Кириллова и Журбы был пополнен и позднее разделен на три отряда. Первый, им командовал Ю. А. Дрылевский, остался в Вятке, второй под началом Л. Журбы был направлен в Котельнический уезд, третий, под руководством Пузырева, направился в Слободской [15]. Таким образом, три крупных отряда матросов (Лупарева, Запкуса и Павлова) обеспечили захват власти большевиками в Вятке и Вятской губернии.

Известно также, что 23 января 1918 г. публичной казни через расстрел у стен Александровского собора в Вятке были подвергнуты пять грабителей во главе с В. А. Лубягиным, представлявших при вооруженных ограблениях «большевиками» и пойманных за несколько дней до этого бойцами Северного летучего отряда [16]. Горожанам действительно было трудно отличить уголовников, выдававших себя за представителей власти, от красногвардейцев, совершавших уголовные преступления. К тому же состав красногвардейских формирований был пестрым и случайным, включая и бывших преступников, и бывших полицейских.

С 9 декабря 1917 г. по 24 февраля 1918 г. отряд комиссара Запкуса предположительно базировался в Екатеринбурге. Об этом, например, свидетельствует телеграмма, поступившая 31 января 1918 г. в коллегия Народного комиссариата по морским делам за подписью Запкуса, в которой он просил прислать в Екатеринбург «2000 матросов для работ в железнодорожных депо и нескольких инженеров» [17]. В ответ на запрос «комиссара Северного района и Западной Сибири», Народный комиссар по морским делам П. Е. Дыбенко просил Центробалт помочь ему, направив по желанию моряков-добровольцев в депо, в сибирские города.

27 февраля 1918 г. Северный летучий отряд прибыл в Тюмень. В тот же день был образован чрезвычайный военно-революционный штаб, в который вошли 8 человек: 3 от Исполкома Совета, 1 от местной Красной гвардии, остальные от прибывших отрядов. С 16 часов следующего дня в городе было объявлено военное положение. Это означало запрет на передвижение с 21 час. до 6 час., была запрещена также продажа спиртных напитков, кумышко-варение и появление в нетрезвом виде. Устанавливался штраф до 1000 рублей. Были запрещены под страхом наказания 5 годами общественных работ и конфискацией имущества собрания, лекции и митинги. Все городские заведения должны были закрываться в 20 час. За нарушение этого пункта приказа налагался штраф в 25000 рублей.

Для выезда из Тюмени требовалось разрешение Военно-революционного штаба. Всем горожанам приказывалось сдать нарезное оружие до 16 час. 28 февраля 1918 г. Этим же приказом комиссар Запкус предложил тюменцам сдать все золото, серебро в слитках, золотые, серебрянные и медные монеты, золотые изделия, содержащие свыше 16 золотников к 16 час. 28 февраля 1918 г.

Приказом № 1 предусматривалось все товары, превышающие потребительскую норму, взять на учет, требовалось сообщать сведения о складах и кладовых [18].

Особо выделялось следующее положение приказа: «Всем вора, грабителям, убийцам и прочему преступному элементу. Предупреждаю всех, что если кто-либо посмеет совершить что-либо преступное, то без всяких рассуждений в два счета будет расстреливаться, никакой пощады не будет. Предписываю всем матросам первого Северного морского карательного отряда и красногвардейцам Пермского и Екатеринбургского отрядов лиц, уличенных в чем-нибудь преступном, на месте расстреливать» [19].

Интересно, что 10 пункт данного приказа предупреждал о публичном расстреле за ложные обыски, аресты и реквизиции, которые, кажется, имели место и в Тюмени. В приказе № 2 от 29 февраля 1918 г. Запкус требовал сдать все оружие, в том числе охотничье, и продовольствие, а в приказе № 4 вводилась контрибуция в размере 2 миллионов рублей. Она возлагалась персонально на А. М. Плотнико-

ва, А. Г. Колмакову, И. Я. Некрасова, А. Ф. Аверкиева, Мирсалимова, Г. А. Котовщикова, Плишкина, А. П. Россошных, С. И. Колокольников, Н. О. Сергеева, В. А. Собенникова, Михалева, Г. Г. Иванова, Е. Д. Гусеву и В. Л. Жернакова [20].

Комиссар Запкус оговаривал, что 1 миллион рублей пойдет на содержание его отряда, а другой поступит в распоряжение Тюменского Совета. Редактор газеты «Рабочая жизнь» Г. Шелехов в статье «В эти кошмарные дни...» не без ехидства отмечал, что Запкус показал тюменским большевикам широту ведения дел, так как те, до прибытия его летучего отряда, смогли получить на организацию Тюменского Совета из Омска лишь 3 тысячи рублей [21].

В приказе №5 Запкус отменял военное положение в Тюмени, разрешал передвижение по городу и пригородам, а также выезд из города. Срок сдачи ценностей от населения продлевался «военным комиссаром Северного района Западной Сибири» до 2 марта 1918 г.

8 марта 1918 г. заместитель председателя Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов В. М. Кармашов в сопровождении красногвардейцев явился в городскую думу и потребовал передать все управленческие функции, технический аппарат и городскую казну в руки Совета [22]. 13 марта такая же участь постигла земскую управу. Заслушав постановление исполкома Совета о закрытии земства, члены управы решили «подчиниться силе» и «сложить все полномочия» [23]. Установление советской власти в городе и уезде было завершено.

А. А. Петрушин, ссылаясь на очевидца тех событий Г. А. Дружинина, пишет, что штаб Запкуса находился в вагонах, стоящих на железнодорожной станции Тюмень [24]. Однако, по другим свидетельствам, штабом Запкуса стал клуб приказчиков, возле которого в течение нескольких дней стояла очередь тюменцев, сдающих материальные ценности. Взамен им давались квитанции на право получения бумажными деньгами сданной золотом и серебром суммы [25].

В итоге, сумма собранная Запкусом с населения города Тюмени, на порядок превышала озвученные ранее 2 миллиона рублей. Впоследствии, 20 мая 1918 г. когда Тюмень вновь была объявлена на военном положении, тексты приказов военного коменданта города В. Шебалдина воспроизводили слово в слово знаменитые приказы Запкуса. Хотя одно «важное» дополнение В. Шебалдин все же сделал. В приказе № 5 коменданта Тюмени отмечалось, что «буржуазия, пытавшаяся выехать из города без разрешения, будет расстреляна. А за каждого скрывшегося с имуществом будет расстреляно 10 заложников» [26].

Показательно, что на путь реквизиций, побора и грабежа красногвардейские отряды направляла центральная большевистская власть. Еще в декабре 1917 г. на запрос о снабжении «красных» частей И. В. Сталин отвечал большевистскому командованию фронта: «Я удивляюсь вашему бессилию. Неужели вы из банка не можете взять нужную сумму, неужели вы будете считаться с бумажными уставами? Деньги вышлем сегодня же, но, не дожидаясь получения этих денег, достаньте на месте хотя бы в банке... Раз навсегда запомните нашу просьбу: когда отряды нуждаются в деньгах, они должны добыть деньги всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем» [27].

В первой половине марта 1918 г. отряд Запкуса покинул Тюмень. По предположению А. А. Петрушина он мог направиться в сторону Екатеринбурга [28], по другим сведениям отряд прибыл в Омск и принял участие в подавлении мятежа омского кадетского корпуса и расправе над кадетами. В частности, в своей переписке с тюменским историком П. И. Рощевским, Г. П. Пермяков в 1963 г. утверждал, что вся полнота власти в то время в Тюмени была не у «мифического военно-революционного комитета» т. е. у Запкуса, а у Совета. Запкус в ряде случаев проявил самовольство и превышение обязанностей, поэтому ему предложили покинуть город. Он выполнил это требование Совета — уехал с отрядом в Омск [29]. Г. П. Пермяков рекомендовал историку П. И. Рощевскому не

писать в своей книге о «сложной и неясной истории с Запкусом и его документом, в котором тот брал всю полноту власти в Тюмени на себя» [30].

Дальнейшая судьба Запкуса неизвестна. Биографии его коллег по установлению советской власти в Тюмени — Мрачковского и Борчанинова являются вполне раскрытой темой. А. Л. Борчанинов в 1920 г. возглавлял Одесский губревком, в 1921 г. Пермскую губчека, скончался в 1932 г. С. В. Мрачковский стал известным советским военным, одним из лидеров троцкистской оппозиции, первым руководителем БАМа. В 1936 г. был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР.

Во фрагменте неизвестной газеты за 1918 г. сообщалось, что «далее сам комиссар Запкус был арестован. Его карательная эпопея закончилась. В руки этого двадцатилетнего матроса, питомца якорной площади в Кронштадте и цирка Чинизелли в Петербурге, воспринявшего только кровавые призывы Троцкого и «грабь награбленное» Ленина, почитателя Блейхмана, были отданы жизнь и свободы двух огромных областей, превосходящих своими размерами любое европейское государство».

Интересно, что уже 5 марта 1918 г. на заседании исполкома Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов был поставлен вопрос «об итогах набега банды Запкуса на Тюмень». Меньшевистско-эсеровскую часть Совета интересовало — куда ушли деньги, золото и серебро, собранные в Тюмени? Г. П. Пермяков и Н. М. Немцов пояснили, что часть денег и золота была сдана в Государственный банк. Кроме того, оружие, собранное отрядом Запкуса в Тюмени, отправлено в Екатеринбург для снаряжения формирующихся там отрядов Красной армии.

На вопросы о полномочиях начальника чрезвычайного военно-революционного штаба Запкуса и чем руководствовался исполком тюменского Совета, подчиняясь этому штабу, объяснения давал Г. П. Пермяков. По его словам, у Запкуса имелось несколько мандатов, выданных краевым Советом [31]. Правда, в этих мандатах главным образом товарищу Запкусу предоставлялись широкие полномочия по части продовольствия, но прямого указания на его диктаторские полномочия не было [32].

Позднее, в начале 1960-х гг. Г. П. Пермяков писал: «Запкус был совершенно неизвестным человеком для рабочих и солдат города и был ли он членом РСДРП, (б) не могу сказать, знакомился только с длиннейшим мандатом, который он предъявил по прибытию в Тюмень» [33].

Когда краевой Совет узнал, что в Тюмени Запкусом введено военное положение, контрибуции и конфискованы золото и серебро, то екатеринбуржцы по прямому проводу приказали Тюменскому Совету не подчиняться приказам Запкуса. При этом Запкус был лишен своих полномочий и должен был отбыть в распоряжение Екатеринбургского Совета. По сообщению Г. П. Пермякова, представители Уральского Совета заявили, что они лично желают переговорить с Запкусом. Однако последний ответил, что он с саботажниками разговаривать не хочет [34]. Со стороны Екатеринбургского Совета последовала угроза выслать в Тюмень еще один отряд, вооруженный артиллерией, однако это не устранило Запкуса. Тюменский Совет оказался в сложном положении между двумя мощными силами — Уральским областным Советом и отрядом Запкуса. «Мы избегали обострения отношений с ним, а затем, когда он сделал свое дело, предложили ему выехать из Тюмени», — писал впоследствии Г. П. Пермяков [35].

На заседании исполкома Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов было принято решение потребовать вернуть все присвоенное Запкусом, а также просить Уралсовет выслать обратно в Тюмень отправленные в Екатеринбург винтовки. В противном случае отряд Запкуса грозили объявить «шайкой» [36]. В заключение своего выступления Г. П. Пермяков попросил снять с себя полномочия председателя Тюменского Совета, так как решил сосредоточиться на создании отряда тюменской Красной гвардии. На свое место докладчик предложил кандидатуру Н. М. Немцова, который и был избран.

Член Совета, рабочий-меньшевик Моисеенко потребовал объяснить ситуацию с необходимостью введения Запкусом в Тюмени смертной казни. Ему отвечали большевики Кармашов и Пермьяков. По словам последнего, «если есть класс капиталистов, значит, есть и враг, а с ним бороться надо всемерно. Если же к этому прибавить и имеющееся в городе бывшее офицерство, то и контрреволюция налицо» [37]. Г. П. Пермьяков пояснил, что в период пребывания в Тюмени отряда Запкуса «никто из политических противников за эти дни казнен не был, а эта участь постигла только уголовных преступников. Точных данных он не имеет, так как этим делом ведал чрезвычайный штаб, и все распоряжения на этот счет исходили от адъютанта штаба Афонасьева» [38].

Один из присутствующих на заседании Совета представителей тюремного надзора дал справку, что из тюрьмы было взято для расстрела всего только шесть человек из числа уголовников. Ему возразил член Совета меньшевик Китов, заявивший, что, по сведениям из горбольницы, туда за все время доставлено четырнадцать трупов казненных. Член Совета, меньшевик Ф. И. Рогожников спросил у Пермьякова, чем был вызван расстрел помощника начальника уголовной милиции Кальченко и прапорщика Сарычева. Большевик Г. П. Пермьяков ответил, что «тут, к несчастью, имел место трагический случай, и он сам узнал об этом случайно. Виновником и даже исполнителем этого расстрела явился бывший начальник штаба тюменской Красной гвардии В. Злобин, который сейчас арестован и дело передано следственной комиссии» [39].

В знак протеста против действий комиссара Запкуса, один из тюменских большевиков И. И. Самойлов вышел из партии [40]. В заключение своего заседания исполком Тюменского Совета рабочих и солдатских депутатов принял решение о роспуске чрезвычайного военно-революционного штаба.

12 марта 1918 г. в Тюмени состоялся митинг на Сенной площади по поводу первой годовщины свержения самодержавия. Затем демонстранты двинулись по улице Республики к зданию бывшей городской Думы. Из знамен выделялись черное знамя карательного отряда Запкуса с изображением черепа и знамя красной гвардии. Были знамена от завода Машарова, фабрики Логинова, Нобель, мельницы Гусевой. С балкона выступал Г. П. Пермьяков, он призывал записываться в ряды Красной армии.

В тот же день были арестованы Лопухин, бывший заместитель председателя ЦК Всероссийского земского союза, князь Г. Е. Львов, бывший председатель Совета министров России, А. В. Голицын, врач московского земства. 15 марта они были высланы в Екатеринбург. В ночь на 18 мая 1918 г. Н. М. Немцов, Г. П. Пермьяков и М. В. Шишков во главе отряда красногвардейцев пытались арестовать 47 человек — меньшевиков и эсеров, бывших депутатов Тюменской городской Думы, являвшихся ранее и членами Совета. Некоторым из них, в частности бывшему главе города А. С. Флоринскому, удалось скрыться. Спасаясь от преследований большевиков, арестовавших предпринимателей Шайчика и Брандта, бежал в Тобольск М. Я. Остроухов — заведующий тюменским зернохранилищем.

20 мая 1918 г. местные большевики отправили 19 своих наиболее активных политических оппонентов — социалистов и либералов в ссылку на уральские рудники (во время акции по высылке в Г. П. Пермьякова на железнодорожной станции Тюмень стрелял некто Шелехов, чья политическая принадлежность осталась неизвестной) [41].

Г. П. Пермьяков, будучи во главе так называемой большевистской девятки, приказал стрелять в железнодорожников, пытавшихся сорвать высылку. Шесть человек было ранено [42]. Среди высланных оказались меньшевики Г. И. Купенский, В. А. Макаров, Ф. И. Рогожников, рабочий логиновской фабрики К. Е. Моисеенко, а также А. К. Захарченко — лидер местных кадетов, М. Ф. Кузнецов — руко-

водитель эсеров и Г. С. Малкин — бывший председатель Тюменского Совета, соредактор меньшевистской газеты «Рабочая правда». Последний, хотя и утверждал, что лично знаком с В. И. Лениным, кажется, был признан наиболее опасным, а потому отправлен дальше других — в Вологду, где, видимо, погиб [43]. Были арестованы и отправлены в Екатеринбург оба редактора газеты «Автономная Сибирь» Н. Плясунов и А. Пичугин.

Следует отметить, что этап, названный В. И. Лениным как «триумфальное шествие Советской власти», вовсе не соответствовал своему названию. Первое полугодие большевизма (на примере Тюмени) сопровождалось нарастанием продовольственных трудностей и бытовой неустроенностью горожан [44], ураганным распространением преступности и беспомощностью властей, безнаказанными выходками солдатни и террором красногвардейских отрядов, повальным пьянством и узаконенными реквизициями.

Подводя некоторые итоги, во-первых, следует подчеркнуть, что советская власть в Тюмени была установлена не 23 января 1918 г., как считалось ранее, а лишь 8 марта. Захват власти большевиками нельзя рассматривать как единовременное событие. Шла длительная и упорная борьба, исход которой тогда еще не был ясен. Основная причина тому крылась в узости социальной базы тюменских большевиков.

Во-вторых, основную роль в установлении советской власти сыграл собственно не сам Совет рабочих и солдатских депутатов, а так называемый военно-революционный комитет под руководством политического авантюриста Запуска, не являвшегося, по-видимому, даже членом РСДРП (б). Однако можно предположить, что Запуск имел весьма значительную поддержку и могущественных покровителей на самом верху большевистского руководства в Петрограде, направивших его на сбор ценностей и продовольствия. Аморфность советской власти на местах позволяла различным вооруженным группам — отрядам матросов, рабочих и солдат диктовать свою волю Советам.

В-третьих, политические репрессии и изгнание умеренных социалистов из Советов начались не после известного постановления ВЦИК от 14 июня 1918 г., а значительно раньше. Так, в январе 1918 г. тюменские эсеры и меньшевики были удалены из исполкома Совета, а в середине мая их подвергли аресту и выслали на каторжные работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. По воспоминаниям Н. В. Калугина, излюбленное тюменцами место сбора грибов и ягод — огромная березовая роща, которая тянулась от ипподрома до деревни Воронина и вширь до дачи Колокольниковых, ныне это дом отдыха им. Оловянного, в трудные 1916 — 1919 гг. была полностью вырублена на дрова. См.: Калугин Н. В. Мои воспоминания // Сибирский исторический журнал. 2002. № 1. С. 53.
2. ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 49. Л. 59.
3. ГАОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 76. Л. 26.
4. ГАОПОТО. Ф. 4048. Оп. 1. Д. 68. Л. 36, 37, 38.
5. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 59. Л. 39, 56.
6. По информации редакции газеты «Сибирский листок», из Екатеринбурга в Тюмень ожидался приезд отряда в 300 человек матросов. См.: Сибирский листок (Тобольск). 1918. 4 (17) февраля.
7. Например, Г. З. Иоффе ошибочно указывал, что моряки — балтийцы Северного летучего отряда мичмана С. Попова (?), прибыли в Тюмень на борьбу с дутовщиной (?). См.: Иоффе Г. Революция и судьба Романовых. М., 1992. С. 150.
8. Тимкин Ю. Н. «Лапинская авантюра» в г. Вятка в феврале — марте 1918 г. // Вятская земля в прошлом и настоящем. Киров, 1995. Т. 1. С. 121-124.
9. Неясно, на чем основывается В. В. Московкин, утверждая, что «прибывший в Тюмень в конце декабря «Северный летучий отряд» мичмана С. Д. Павлова оказал большую помощь местным большевикам», так как именно в это время данный отряд участвовал в

боях с А. И. Дутовым под Оренбургом. См.: Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и гражданской войны (1917-1921 гг.). Тюмень, 1999. С. 84.

10. Петроградский ВРК. Документы и материалы. Под ред. Д. А. Чугаева: В 3 т. М., 1966. Т. 1. С. 579.

11. Там же. Т. 2. С. 298.

12. Там же. Т. 2. С. 368.

13. Там же. Т. 3. С. 182.

14. Петрушин А. А. На задворках гражданской войны. Тюмень, 2003. С. 26.

15. Тимкин Ю. Н. Смутное время на Вятке. Общественно-политическое развитие Вятской губернии весной 1917-осенью 1918 гг. Киров, 1998. С. 30-31.

16. Вятская правда. 1918. 26 января.

17. Балтийские моряки за власть Советов. Ноябрь 1917 — декабрь 1918. Сб. документов. Л., 1969. С. 79.

18. ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 49. Л. 62.

19. Там же. Л. 61.

20. В тексте приказа у некоторых лиц инициалы отсутствуют. — А. К.

21. Рабочая жизнь (Тюмень). 1918. 8 марта.

22. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 64. Л. 63, 64.

23. 400 лет Тюмени: Сборник документов и материалов. Свердловск, 1985. С. 136.

24. Петрушин А. А. Указ. соч. С. 28.

25. ГАОПОТО. Ф. 1545. Оп. 1. Д. 49. Л. 65.

26. К оружию. Орган Тюменского совдепа. 1918. 20 июня. №2; Сибирский листок (Тобольск). 1918. 29 июня.

27. Из истории борьбы за установление Советской власти. Ноябрь 1917 — февраль 1918 г.: Сб. исторических документов и материалов. М., 1943. С. 134.

28. Петрушин А. А. Указ. соч. С. 41.

29. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 59. Л. 37.

30. Приказ Запруса о том, что все красногвардейские отряды, партийные и советские органы в Тюмени обязаны ему подчиниться. Вероятно, Г. П. Пермякову было крайне неприятно вспоминать, что реальная власть в городе оказалась не у Совета, а в руках политического авантюриста. — А. К.

31. Краевой Совет — это, видимо, Уральский областной Совет. — А. К.

32. Сибирский листок (Тобольск). 1918. 15 марта.

33. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 59. Л. 39.

34. Сибирский листок (Тобольск). 1918. 15 марта.

35. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 59. Л. 56.

36. Сибирский листок (Тобольск). 1918. 15 марта.

37. Там же.

38. Там же.

39. Там же.

40. Секретарь ЦК РСДРП (б) Е. Д. Стасова в письме К. Т. Новгородцевой (Свердловой), датированном мартом 1918 г., писала: «Уничтожьте в Тюмени адрес Самойлова как вышедшего из партии». См.: Вопросы истории. 1956. № 10. С. 85.

41. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 27. Л. 3, 4.

42. Сибирский листок (Тобольск). 1918. 14 (27) мая.

43. ГАОПОТО. Ф. 4012. Оп. 2. Д. 64. Л. 6-8.

44. Например, еще 3 ноября 1917 г. дом В. Л. Жернакова на Ишимской улице был осажден толпой, состоявшей из женщин и солдат, которые требовали ревизии купеческих запасов, изъятия чая, сахара и других продуктов. Не найдя излишков, толпа двинулась к следующему дому — купца Иванова. См.: Свободное слово (Тюмень). 1917. 7 ноября; С 1 июня 1918 г. в Тюмени была установлена следующая продовольственная норма — 25 фунтов хлеба в месяц на человека. (10 кг. 225 гр.); Безработных в Тюмени — 698 человек, из них мужчин — 589, женщин — 109, здешних — 383, приезжих — 315, бывших военнослужащих — 426 человек. См.: Тобольское народное слово. 1918. 7(20) марта.